

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АРХИВ

Аннотация. В разделе публикуются статьи разных лет профессора Н. А. Кондрашова. Представленные материалы показывают интерес учёного к актуальным проблемам славистики и гуманитарного знания: к истории и теории науки, лингвистической персонологии, ключевым вопросам филологического образования, языковому пуризму и др. Кроме полезной историко-культурной информации, работы позволяют проникнуть в круг идей и творческих исканий Н. А. Кондрашова, содержат интересные авторские оценки и наблюдения. Данные материалы могут быть использованы при обучении вузовским курсам «Введение в языкознание», «Введение в славянскую филологию», «История лингвистических учений», «Общее языкознание» и др.

Ключевые слова: история науки, славянская филология, лингвистическая герменевтика, филологическое образование, терминология, калькирование, языковой пуризм, И. В. Ягич

LINGUISTIC ARCHIVES

Abstract. The section publishes of Professor N. Kondrashov's articles from different years. The presented materials show the interest of the scientist in the actual problems of Slavistics and Humanities: in history and theory of science, linguistic personology, key issues of philological education, language purism, etc. In addition to the useful historical and cultural information, the works allow entering the circle of ideas and creative searches of N. Kondrashov. They contain the author's engaging assessments and observations. These materials can be used in teaching University courses "Introduction to linguistics," "Introduction to Slavic Philology," "History of linguistic teachings," "General linguistics," etc.

Keywords: history of science, Slavic philology, linguistic hermeneutics, philological education, terminology, calque, linguistic purism, V. Jagich

«АРХИВ СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ» И ЕГО РОЛЬ В ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ¹

Сто лет тому назад И. В. Ягич начал издавать в Берлине журнал *Archiv für slavische Philologie*. Возникновение этого журнала является важной вехой в истории славянской филологии. 1876 год, когда начал выходить «Архив», можно с полным основанием считать переломным в истории славянских литератур и славянской этнографии. Этот перелом сказался как на масштабах и формах исследовательской работы по славистике, так и на методах научного исследования, что особенно су-

щественно. Журналом Ягича завершился период господства в славистике идей и методов Ф. Миклошича и его русских сверстников Ф. И. Буслаева, И. И. Срезневского и А. А. Потебни и начался период господства младограмматической школы, тесно связанный с Лейпцигским университетом.

Сам Ватрослав Ягич (в России Игнатий Викентьевич) был наиболее известным учеником Миклошича по Венскому университету. Он родился в 1838 г. в хорватском Вараджине, в 1856 г. закончил гимназический курс в Загребе и с этого времени в качестве стипендиата изучал классическую филологию в Вене. Уже с 3 семестра и до конца курса Ягич слушал лекции Миклошича по славянским языкам, их грамматике и истории славянских литератур. В 1860 г. Ягич становится учителем гимназии в Загребе и до 1870 г. преподаёт классические, хорватский и

¹ Публикуется по изданию: Кондрашов Н. А. «Архив славянской филологии» и его роль в истории славистики // Проблемы исторической лексикологии и семасиологии русского языка: Лингвистический сборник. Выпуск 8 / МОПИ имени Н. К. Крупской; ред. колл.: Н. А. Кондрашов (отв. ред.) и др. М., 1977. С. 3–12.

старославянский язык. За протест против мадьяронской политики местных властей он был уволен со службы. В это же время Петербургский университет присудил Ягичу звание доктора *honoris causa*, что открыло для него двери русских университетов. В 1871 г. Ягич стал экстраординарным профессором сравнительной грамматики Новороссийского (ныне Одесского) университета. В том же году в Лейпциге он защищает докторскую диссертацию о словах с корнем *dě-* в славянских языках. С 1874 г. он переезжает в Берлин профессором славянской филологии и с 1876 г. начинает издавать свой Архив. В дальнейшем научная деятельность Ягича была связана с Петербургом и Веней. После кончины И. И. Срезневского Ягич переезжает в Петербург и занимает кафедру славянской филологии, читая одновременно лекции по истории русского языка на Высших женских курсах, в Петербурге он избирается членом Академии наук. Петербургский период для Ягича длился шесть лет.

В 1886 г., когда Миклошич ушёл на пенсию, Ягич переезжает в Вену, организует при университете славянский семинар, оставивший заметное место в истории славяноведения, и плодотворно работает до выхода на пенсию в 1908 г. Издание «Архива» он не прекращает до своей смерти, последовавшей 5 августа 1923 г. Таким образом, издание журнала охватывает берлинской (1875–1880), петербургский (1880–1886) и венский (1886–1923) периоды жизни Ягича.

Научные интересы И. В. Ягича в области славистики были всеобъемлющи, о чём свидетельствует обилие трудов и разнообразие их тематики. Современные ему слависты говорили: «Ягич знает всё». Энциклопедические познания Ягича были устремлены прежде всего в историко-филологические и литературно-культурные области. Он был филологом в наиболее полном значении этого слова. Изучив в молодости классические языки, он перенёс задачи филологического исследования и критики на старославянские тексты. Ягич всегда стремился воскресить, опи-

раясь на текст, прошлое, понять литературу и культуру, отражённую в памятнике письменности и фольклоре, изучить язык памятника.

Он начал с издания текстов хорватских писателей средневековья. Затем его жизненной целью стало критическое издание памятников старославянской письменности. Он, в частности, издал Зографское евангелие (1879), Маринское евангелие (1883), Болонскую псалтырь (1907) и множество других ценных памятников. Ему принадлежит обширное издание грамматических сочинений славянского средневековья: «Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке» (1895). В 1886 г. он издаёт текст древнерусской Минеи. Ягич был крупнейшим палеографом своего времени. Об этом свидетельствуют не только его издания, но и множество статей и заметок, помещённых в «Архиве» и других изданиях. Для «Энциклопедии славянской филологии» Ягич написал «Глаголическое письмо» (1911).

Филологические и палеографические интересы были у Ягича на первом плане, поэтому в нём языковед явно уступал филологу. Этого не скрывал и сам Ягич, когда писал в 1886 г. Бодуэну де Куртенэ: «Вы всё же в основном лингвист или языковед, между тем как я филолог со всем “хламом и обузой” древних рукописей, которых, несомненно, больше тут, чем там»¹ (имеется в виду Россия и Австрия). Несмотря на это обстоятельство, Ягичу принадлежат многие, чисто лингвистические работы. Это его статьи о взаимоотношении славянских архивов («Архив», XVII, 1895), работа о словосложении («Архив», XX–XXI, 1898–1899), «Критические заметки по истории русского языка» – тщательный разбор «Лекций по истории русского языка» А. И. Соболевского (1899), “*Beiträge zur slavischer Syntax*” (1899) – заметки по сравнительному синтаксису славянских языков. Не устарела до настоящего времени его монография “*Entstehungsgeschichte*

¹ Письма И. В. Ягича к русским учёным. 1865–1886. М.-Л., 1963. С. 229.

der kirchenslavischen Sprache" (2-е изд., 1913), в которой на широком сравнительно-историческом материале окончательно была опровергнута паннонская теория происхождения старославянского языка и дан ценный разбор лексических особенностей старославянских памятников¹.

Научная деятельность Ягича находилась в полном соответствии с тем пониманием филологии как науки, которое сложилось у него и нашло отражение в его формулировках. «Славянская филология в обширном значении этого слова обнимает совокупную духовную жизнь славянских народов, как она отражается в их языке и письменных памятниках, в произведениях литературных то отдельных личностей, то общей силы простонародного творчества, наконец, в верованиях, преданиях и обычаях. Таким образом, она включает в круг своих занятий: во-первых, научные рассуждения о языках славянских, подвергая разбору как памятники языка, так и все диалектические особенности живых говоров, не обходя молчанием и языков литературных со всеми иногда довольно сложными условиями их происхождения и развития; во-вторых, историю славянских литератур, вдаваясь в объяснение целых эпох и оценку отдельных произведений, доискиваясь источников или зависимости от чужого влияния; в-третьих, историю бытовую, изображающую особенности народной жизни во всех её изгибах. В этом объёме славянская филология представляет сложный организм различных предметов, сплочённых в одно целое»². Такому весьма широкому пониманию филологической науки Ягич следовал всю жизнь. Это же понимание он отстаивал в период основания

«Архива», когда в 1876 г. писал А. Кунику: «Я так представляю себе филологию»:

I. Язык: а) грамматическое; б) этимологически-лексическое; в) памятники языка; г) история языка.

II. Литература: а) история литературы; б) отдельные биографии и историко-литературные монографии; в) издания классиков.

III. Фольклор: а) народные песни; б) народные сказки и народные сказания; в) статьи об этом; г) описание народных обычаев.

IV. Древности: а) исторические, например, сочинения, касающиеся праистории; б) религиозная мифология; в) археологическая, например, раскопки и т. п.

V. Вспомогательные пособия: а) энциклопедии; б) библиографии; в) описание библиотек.

По этому плану, я считаю, нужно составлять библиографию»³.

Будучи в центре славистической науки, работая попеременно в Хорватии, России, Германии и Австро-Венгрии, Ягич внимательно следил за научной деятельностью славянских и неславянских учёных и оценивал все важные работы в своём журнале. Ягич хорошо знал научную деятельность таких корифеев славистики, как Г. Добнер, И. Добровский, Б. Копитар, П. И. Шафарик, В. Караджич. Именно поэтому его «История славянской филологии» (1910) является наиболее полным и лишённым субъективных оценок трудом в этой области.

Наряду с разносторонними научными исследованиями, в центре которых находился всё тот же старославянский язык, Ягич явился организатором и зачинателем многих предприятий и изданий общеславянского значения. Эта сторона деятельности Ягича заслуживает особого внимания. Первым таким предприятием и было создание «Архива». «Он стремился к большой научно-организационной работе, к объединению всех живых славяноведческих сил, был организатором первого в истории славянства международного славяноведческого журнала историко-филологического профиля – "Archiv für

¹ См.: Ляпунов Б. М. Краткий очерк учёной деятельности академика Игнатия Викентьевича Ягича. Одесса, 1901; Сперанский М. Н. Жизненный труд и историко-литературная деятельность И. В. Ягича // Известия ОРЯС РАН, XXVIII, 1924; Карский Е. Ф. Заслуги И. В. Ягича в изучении старославянского и русского языков. Там же; Кораблёв В. Н. Памяти академика И. В. Ягича. К десятилетней годовщине со дня смерти (1883–1923). Л., 1934.

² Ягич И. В. История славянской филологии. СПб., 1910. С. 1.

³ Письма... С. 105.

slavishe Philologie»¹. В Петербурге он учреждает серию «Исследования по русскому языку». В Вене создаёт Славянский семинар и Балканскую комиссию для изучения южнославянских языков. В 1893 г. у Ягича возникает идея создания «Энциклопедии славянской филологии», которая позднее была реализована Российской Академией наук при деятельном участии Ягича лишь частично. Он всегда ратовал за общеславянское единство и взаимопонимание, что нашло наиболее яркое отражение в его письмах к А. А. Шахматову по поводу съезда славистов и союза славянских академий. Воспоминания Ягича представляют большой интерес для оценки науки его времени².

Мысль об издании журнала по славянской филологии захватила Ягича ещё во время пребывания в Одессе. В 1873 г. он пишет В. И. Ламанскому: «Именно я желаю, чтобы Вам удалось основать для нашей науки особенный учёный орган вроде “Германии” или “Романии”, в чём, по моему убеждению, славянская филология крайне нуждается»³. Ягич намерен был выступить в качестве посредника между славянским миром и романо-германским Западом. Его журнал должен был знакомить европейских учёных с состоянием славянской филологической науки и сделать славянскую филологию равноправной с германской и романской филологией. Славянство понималось Ягичем в духе его либерального мировоззрения как нечто единое и цельное. В апреле 1875 г. Ягич сообщает И. И. Срезневскому: «Я нашёл издателя, который готов поддерживать журнал для славянской филологии, конечно, на немецком или французском языках, но по содержанию касающийся только славянских языков и литератур. Я хочу назвать его “Archiv für slavische Philologie”, потому что этот орган должен заключать в себе, кроме оригинальных статей, также переводы из всех славянских наречий всего выдающегося по области

филологии. Таким образом, “Archiv...” должен сделаться необходимым пособием для всех интересующихся славянской наукой, не понимающих же славянских языков. Да я надеюсь, что и для славян такое предприятие не будет бесполезно»⁴.

Ягич сознавал некоторую двусмысленность издания журнала на немецком языке, поэтому в письме Ламанскому стремился найти оправдание: «Пока вы, господа русские, не решитесь в Петербурге основать центральный орган для всех славян, позвольте мне прибегнуть к постыдному, но, к сожалению, до сих пор к практическому средству – языку немецкому. Ведь главное дело не форма, а содержание»⁵. Эти же мысли высказывал Ягич в 1877 г. в письме Я. К. Гроту: «Теперь спрашивается только, считают ли надлежащие факторы в России всё ещё преждевременными, чтобы такого рода предприятие, как мой “Архив”, выходило не в Германии, а в России, не на немецком, а на русском и остальных славянских языках. Если Россия желает занять в среде славян то место, которое ей принадлежит по природе, – одною военною силою немного поделает, даже денежными пожертвованиями, которыми русские всегда столь щедры были, она не добьётся того влияния, которое должна бы во взаимном интересе производить на западных славян. Одно только средство остаётся – влияние литературы и науки. Согласитесь, что оно пока очень слабо и ничтожно. Не стыдно ли русским славистам при их громадных средствах сравнительно с моими, что я опередил их и в Берлине создал литературный центр; как бы ни чудовищно это последнее казалось, но оно всё-таки есть»⁶.

На протяжении полувека «Архив» Ягича был не только хранилищем в области материалов славяноведения, но и прокладывал новые пути в исследовании самых различных филологических дисциплин, возбуждал научные интересы и ставил новые для изучения проблемы. Сам Ягич был живо заинтересован в развитии славянской фило-

¹ Виноградов В. В. И. В. Ягич // Письма И. В. Ягича к русским учёным. 1865–1886. М.-Л., 1963. С. 4.

² Спомени мојега живота, I-II, Београд, 1930–1934.

³ Письма... С. 68. Ежеквартальник для немецких древностей “Germania” выходил в 1856–1892 гг. в Штутгарте и Вене. Журнал “Romania” выходил в Париже с 1872 по 1939 гг.

⁴ Там же. С. 94.

⁵ Там же. С. 96.

⁶ Там же. С. 120.

логии и зорко следил за всем новым в науке, своевременно подчёркивая в своих оценках перспективы и значения отдельных направлений и областей исследования. Среди многих проблем, в разрешении которых видное место принадлежит «Архиву», отметим важнейшие достижения и чисто организационные мероприятия.

1. Проблема происхождения старославянского языка. Паннонская теория Капитара-Миклошича была опровергнута на страницах «Архива» и трудами самого Ягича. Ягич понимал, что истолкование древнейших памятников старославянского языка, столь важных для славянской филологии вообще и истории отдельных славянских языков в частности, имеет первостепенное значение. Развёртывание диалектологической работы и сличение её результатов с фактами старославянского языка показали важность македонских говоров. Труды наиболее одарённого ученика Ягича В. Облака, опубликованные в «Архиве», явились в этом отношении наиболее важными.

2. Издание древних памятников славянской письменности. Ягич начинает борьбу со старой филологической школой, стремится к истолкованию и классификации фактов с помощью сравнительно-исторического метода. В «Архиве» представлена литературно-историческая оценка множества письменных памятников, дано сравнение их с греческими и латинскими оригиналами, объяснение их возникновения и соотношения различных редакций.

3. Изучение литературной и культурной деятельности славянских просветителей Кирилла и Мефодия. Ягич регистрировал и оценивал все новые факты, связанные с кирилло-мефодиевским вопросом. Достаточно указать, кроме трудов самого Ягича, на исследования Ламанского, Голубинского, Лаврова, Вондрака, Пастернака, Брюкнера и др.

4. Роль старославянского языка в истории русского литературного языка. В «Архиве» 16-летний гимназист А. А. Шахматов в 1881 г. напечатал свою первую научную работу о неточностях в издании списка жития Феодосия Печерского (V, 1881). В

этой работе, предвосхитившей его многие последующие теории, Шахматов стремится разграничить две группы древнерусских памятников. С одной стороны, церковнославянские тексты, принесённые на Русь вместе с принятием христианства, с другой, – оригинальные произведения (проповеди, жизнеописания русских святых, некоторые переводы). По мнению Шахматова, эти памятники древнейшего периода заслуживают особого внимания и требуют тщательного издания. Особое место Шахматов отводил деятельности киевского монаха Нестора, автора Киево-Печерского патерика житий как Бориса и Глеба, так и Феодосия. Как монах и автор произведений религиозного содержания, Нестор владел старославянским языком, которым и пользовался в своей литературной деятельности. Это обстоятельство и привело Шахматова к убеждению, что русский литературный язык – это старославянский, перенесённый на русскую почву и постепенно подвергшийся обрусению.

5. Определение круга дисциплин, составляющих славянскую филологию. По мнению Ягича, эта обширная область представляет собой совокупность культурных, литературно-лингвистических и исторических проблем, устремлённых как в славянское прошлое, так и к современным задачам, стоящим перед отдельными славянскими народами. Об этом свидетельствует и программа журнала, намеченная Ягичем: «В состав его должны войти:

статьи по этимологико-грамматическим вопросам, касающимся славянских языков, отдельно исторически или компаративно;

статьи критико-эксегетические по разным вопросам, относящиеся к литературным памятникам славянским;

исследования о народной поэзии, сказках, пословицах и т. п.;

прибавления к науке о славянских древностях, по разным вопросам культурно-историческим;

тексты, ещё не изданные, относящиеся к языку и его истории;

обозрение библиографическое – вроде незабвенных Ваших (Срезневского) – из-

влечений из славянских научных журналов, учёная переписка и т. п.

Направление журнала должно быть строго научное, но вместе славянское»¹.

6. Информационные и критические задачи. В «Архиве» была осуществлена критическая оценка новых работ по славянской филологии. Большинство рецензий и обзоров написаны самим Ягичем. Коллективная работа неизбежно требовала критического отношения и взыскательной оценки всего сделанного. «Архив» в известной мере удовлетворял и культурные запросы всех славянских народов. Поскольку славянская филология не могла находиться вне жизни и политики, то политическая жизнь славянских стран властно врывается на страницы журнала. Наконец, «Архив» разрешал задачу связи славянской науки с европейской как самим фактом своего существования, так и информацией по проблемам германской и романской филологии.

7. «Архив» как объединитель славянских научных сил и база для национальных журналов. Ягич сумел привлечь к участию в своём журнале всех активно работающих в то время учёных-славистов. Достаточно ознакомиться с XXV юбилейным томом «Архива» (1903), в котором помещены фотографии авторов – сотрудников журнала, – чтобы наглядно в этом убедиться. Ягичу были близки А. Лескин, А. Брюкнер, В. Неринг, А. А. Потеня, А. Н. Веселовский, Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов, И. А. Бодуэн де Куртенэ, Г. Крек, Я. Гебауэр, В. Вондрак, Ю. Поливка, М. Н. Сперанский, П. А. Лавров, Б. М. Ляпунов, В. Н. Щепкин, Ф. Пастернек, Л. Нидерле, Л. Стоянович, В. Облак, Ф. Е. Корш, П. И. Житецкий и многие другие. Личность Ягича была объединяющей. Это хорошо подметил Ю. И. Поливка в письме к В. Н. Щепкину (1892 г.): «Я думаю, что центр славяноведения должен быть у Вас, это требует и интерес науки и естественные aspirations величайшего славянского народа. У нас центр не будет постоянно, на время, когда здесь та-

кая крупная сила научная, как Ягич, но после него всё распадётся... Разумеется, я не представляю себе славяноведение тенденциозное во вкусе Петербургской школы»².

Вполне закономерным явился факт возникновения славистических научных журналов после «Архива», выходящего на немецком языке, в России, Польше, Чехии, Югославии. Имеются в виду: «Известия отделения русского языка и словесности Академии наук» (Петербург, с 1899 г.), «Русский филологический вестник» (Варшава, с 1885 г.), «Prace Filologiczne» (Варшава, с 1885 г.), «Rocznik Slawistyczny» (Краков, с 1908 г.), «Slavia» (Прага, с 1922 г.), «Јужнословенски филолог» (Белград, с 1913 г.) и др.

О ПРИНЦИПАХ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ³

В истории науки понимание предмета филологии и в особенности практические выводы для учебных заведений филологического профиля были разнообразны. Зачатки филологии восходят к эпохе эллинизма, когда александрийские грамматисты во главе с Аристархом, имя которого сделалось нарицательным, установили первоначальный состав гомеровских «Илиады» и «Одиссеи». Однако подлинной эпохой возникновения филологии как науки следует считать эпоху Возрождения. [...]

Понимание предмета филологии, сложившееся к началу нашего (т. е. XX. – Прим. ред.) века, отчётливо раскрывается в формулировке В. Ягича, автора обширной «Истории славянской филологии» (1910). «Славянская филология ... включает в круг своих занятий: во-первых, научные рассуждения о языках славянских, под-

² Документы по истории славяноведения в России (1850–1912). М.-Л., 1948. С. 161.

³ Публикуется с незначительными сокращениями по изданию: Кондрашов Н. А. О принципах филологического образования // Географические и хронологические пределы распространения русского слова: Лингвистический сборник. Вып. 13 / отв. ред. Н. А. Кондрашов. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1979. С. 119–127.

¹ Там же. С. 94–95.

вергая разбору как памятники языка, так и все диалектические особенности живых говоров, не обходя молчанием и языков литературных со всеми иногда довольно сложными условиями их происхождения и развития; во-вторых, историю славянских *литератур*, вдаваясь в объяснение целых эпох и оценку отдельных произведений, доискиваясь источников или зависимости от чуждого влияния; в-третьих, историю *бытовую*, изображающую особенности народной жизни во всех её изгибах. В этом объёме славянская филология представляет сложный организм различных предметов, сплочённых в одно целое».

Указанное понимание филологии как синтетической дисциплины, связанное с изучением языка, литературы и этнографии одного или нескольких родственных по языку народов, наложило определяющий отпечаток на систему филологического образования в дореволюционных университетах. Учебный план историко-филологических факультетов основывался прежде всего на большом и разнообразном наборе изучаемых языков, преимущественно древних. Их хорошее знание открывало путь как для лингвистических, так и для литературоведческих занятий, причём последние ограничивались также преимущественным изучением древних литературных памятников, тогда как новая литература изучалась по образцам и по существу не шла далее Пушкина.

Подобное понимание задач нашей науки, естественно, не могло удержаться в советское время, когда на первых порах интерес к современным проблемам возобладал над историзмом, когда интернационалистические устремления трудящихся пришли в разительный контраст с буржуазной властью почти во всех зарубежных славянских странах, когда, наконец, появилось учебное заведение нового типа – педагогический институт – с факультетом русского языка и литературы. Определение филологии (во 2 изд. БСЭ) едва ли может удовлетворить: «совокупность методов и приёмов исследования памятников письменности с точки зрения языка, стиля, исторической и этнической принадлежности» (т. 45).

Б. В. Горнунг писал это в 1955 г. Такое определение следует считать провизорным и компромиссным, так как оно не учитывает ни развития языкознания, ни развития литературоведения. В частности, в нём совершенно отсутствует упоминание о идеологической стороне литературоведения.

В последние годы возникла некоторая неопределённость по поводу положения языкознания в системе научных дисциплин. В связи с развитием прикладного языкознания, связанным с инженерным использованием его результатов в кибернетических целях, а также с настойчивым стремлением некоторых языковедов дегуманизировать язык, представить его систему в виде кода для порождения грамматически правильных предложений, стремлением фактически вырвать язык из уст говорящего человека обозначалась опасность выведения языка из круга гуманитарных дисциплин. Это обстоятельство неблагоприятным образом сказывается на том, каким путём развивать языкознание сотрудничество с родственными или близкими дисциплинами, которые могут способствовать решению языковедческих проблем и которые, в свою очередь, ждут помощи от языкознания. Не следует думать, что только это мешает сотрудничеству названных дисциплин. Очевидно, в гораздо большей степени влияет чрезмерная специализация в отдельных областях науки и вытекающая отсюда их изоляция. Чтобы представители филологических дисциплин хорошо понимали друг друга, следует быть не только специалистом в своей узкой области, но нужно также владеть хотя бы минимальными познаниями в близких и смежных областях. Это положение особенно касается языковедческих и литературоведческих кафедр педагогических институтов. Мы готовим учителей русского языка и русской литературы, которым приходится преподавать обе дисциплины в Школе. Мы выдаём всем выпускникам одинаковые дипломы, действуем в соответствии с единым учебным планом.

Во всех официальных документах обе наши специальности числятся в одной гра-

фе «родной язык и литература», в нашем случае «русский язык и литература». Эта строчка в номенклатуре школьных предметов не только дань филологическим теням прошлого, а в значительной степени отражает реальное положение вещей, соответствует будущей работе наших питомцев. Наша задача заключается в более разумном и органичном сочетании подготовки студентов как в области русского языкознания, так и в области литературоведения.

Языкознание, разумеется, не представляет собой какую-то единую науку. Сам факт существования на земном шаре различных языков и языковых семей (а число известных языков достигло 5 тысяч по последним данным) принуждает к дифференциации и специализации на узкие специальности. Эта специализация касается не только, положим, русистов и китаистов, она заметна и в пределах Европы. Всё реже можно встретить слависта, германиста или романиста, который бы специализировался не по одному языку, а обладал бы хорошим знанием других языков соответствующей языковой семьи. Общая тенденция направлена к ещё более дробной специализации.

Не только слабнет (это признано и учебным планом и программами) славистическая подготовка русистов, но специалисты по русскому языку стремятся сосредоточиваться на более узкие области русского языкознания (например, диалектологию, историю русского языка, современный русский язык, стилистику и т. п.). Это не только результат внешних условий, это прежде всего следствие прогресса языкознания, его развития. Один человек оказывается не в состоянии даже уследить за потоком научной литературы и новой информации, изучение её становится нереальным делом.

Конечно, следует стремиться к тому, чтобы подобная специализация не принимала опасные формы. В этом одна из задач наших кафедр. Особенно это относится к подготовке студентов и аспирантов, в меньшей степени это касается уже работающих кадров. В первую очередь следует высоко поднять общезыковедческую подготовку. Общее языкознание должно опираться на

марксистско-ленинскую методологию, а не брать напрокат модные буржуазные языковедческие теории. В области языкознания имеются хорошо разработанные области типа фонологии, но более высокие единицы языка, связанные со значением (морфема, слово, предложение) ещё нуждаются в тщательном изучении.

Существует и более принципиальная проблема. Равномерное развитие языкознания и его отдельных составных частей едва ли возможно при отсутствии ясной методологической концепции всего языкознания. До сих пор марксисты-языковеды такой концепции не разработали. Поэтому-то с известным успехом и были восприняты основные положения лингвистического структурализма частью нашей молодёжи. В настоящее время, по крайней мере, у работников пединститутов произошла известная переоценка структурализма. Отметим следующее: 1) исчезло нигилистическое отношение к традиционному языкознанию, к трудам и идеям корифеев русской науки от Ломоносова, Востокова, Буслая, Потемни, Бодуэна, Фортунатова, Шахматова, которое имело место несколько лет назад; 2) возникло сдержанное отношение к крайним проявлениям структурализма, сочетающееся с ознакомлением и использованием некоторых методов дескриптивно-синхронного описания языка; 3) стала осознаваться большая сложность языка, чем думают структуралисты, и вследствие этого нерешённость многих проблем, которые нуждаются в анализе предшествующих работ и целых лингвистических направлений; 4) проявляется общий крен в сторону создания работ, основанных на большом и тщательно расклассифицированном материале.

Следует признать, что выводы лингвистической дискуссии 1950 г. были в большинстве случаев негативными. Конечно, справедливо, что язык не культура, что формула «язык – форма национальной культуры» не охватывает всего многообразия проявлений культуры (ср. архитектура, национальный орнамент, музыка и т. п.). В конце концов наши социологи и философы

так и не выработали более или менее приемлемого определения культуры. В таких условиях трудно установить место языкознания в системе наук. Нет сомнения, что в своей сущности языкознание – гуманитарная наука; но не совсем ясно, чем она отличается от других гуманитарных наук, которые также занимаются изучением культуры.

Неприятности с определением места языкознания в кругу других наук обусловлены не только теоретической неразработанностью ряда проблем, но и комплексным характером нашей науки. Языкознание имеет дело со звуковым языком, поэтому оно через фонетику соприкасается с акустикой и физиологией человека (общей и высшей нервной деятельностью), у языкознания имеются интимные связи не только с психологией, но и с логикой, проблематика литературного языка, стилистики, метрики, строфики сближает его с литературоведением. В последние годы языкознание вошло наряду с теорией связи и теорией информации в состав семиотики и кибернетики.

Таким образом, несомненно, что язык и культура отличаются друг от друга. Если культура – творчество в результате сознательной деятельности человека, то неизбежен вывод, что язык и по существу не может быть отнесён к культуре. На чём основывается этот аргумент? Основные языковые факты, например, грамматические категории (падеж, род, число, вид, время, залог и т. п.) не могли возникнуть в результате сознательной деятельности человека. Языковые изменения люди замечают, когда они произошли, но обычно языковое развитие не зависит от воли людей. Абстрактная деятельность человеческого ума, приведшая к созданию грамматической системы, была неосознанной. Люди свободно пользуются своим родным языком, но без специальной школьной подготовки почти ничего не знают о грамматической системе родного языка. Сознательное вмешательство в грамматический уровень языка (в морфологию и синтаксис) практически невозможно. В морфологии человек отбирает одну из дублетных форм, один из вариантов, и отдаёт ему предпочтение. Нового он ничего

не может создать сам и один. Это в такой же степени относится к фонетике и лексике.

Языковая культура – это обсуждение преимуществ существующих и уже используемых вариантов. На высоких ступенях цивилизации этот интерес к языку возрастает, однако язык развивался и совершенствовался и до этого. Ф. Энгельс говорил, что когда-то человек возьмёт под контроль и язык, продукт рода. Попытки истолкования этого замечания не вполне удовлетворительны. Некоторые стремились обосновать тезис о зональных языках, которые якобы вберут в себя всё лучшее из существующих языков. Опыт, однако, показывает, что такие гибриды невозможны. Нельзя взять формы склонения из одного языка, а спряжение – из другого. Возникает вопрос: что же в языке лучше? Самый прогресс в языке не похож на прогресс в науке, технике или искусстве. Если в последнем случае речь идёт о сознательном производстве культурных ценностей, о силе человеческого разума, о воплощении исторически обусловленных идеалов, побуждений и реализации выдвинутых задач, то в языке происходит какой-то механический процесс. Люди, а теперь специалисты-языковеды замечают в этом движении какие-то поверхностные явления, не понимая их структурных обусловленностей и не зная причинных связей. В фонетике происходят изменения. Носовые гласные *о*, *е* в русском языке утратились, но сохраняются в польском, во французском. Этот процесс нельзя объяснить человеческой природой. Двойственное число в русском и многих других славянских языках утратилось (остались лишь реликты его *уши*, *очи*, *два шага*), а в словенском и лужицких живёт. В сербском окончания дв. числа стали выражать мн. число. Можно, кажется, зацепиться за лексику, за словарный запас. Но современный человек может держать в памяти 7–8 тысяч слов, а что больше того – он забывает. Пушкин использовал 11 тыс. русских и 11 тыс. французских слов. Л. Толстой – 19 тысяч, а Шекспир – 21 тысячу. В русской химической терминологии сейчас 300 тыс. терминов, а неспециалист знает таблицу Менделеева и ещё десяток химических названий.

Вывод может быть только один: развитие языка происходит очень медленно, отклики на общественные потребности наблюдаются только в лексике, в области наименования, а на других уровнях развитие языка по своему существу сближается с естественным развитием. А. Шлейхер не очень ошибался, когда утверждал, что как природа, так и язык управляются двумя принципами: наличием вариантов и отбором более жизненных форм. Жизненная сила варианта обычно поддерживается более массовым использованием. В настоящее время многие знают, что в троллейбусе надо спрашивать «вы выходите?», но чаще говорят «вы сходите»? Последнее, возможно, станет нормой уже через десяток лет. В борьбе вариантов *профессоры* и *профессора* победил в 20-е годы второй. О истинной причине этой победы можно только гадать. Некоторые нормальные слова иногда, напротив, заменяются более эмоциональными, особенно в среде молодёжи, ср. *железно*, *училка*. Правда, в отличие от природы в языке борются не сами виды и индивиды, а всё проходит через уста говорящего коллектива. Наиболее разительным является тот факт, что о существовании некоторых языковых явлений и категорий спорят сами лингвисты. Следовательно, языковые изменения обладают тем сходством с развитием органической природы, что они обычно происходят стихийно. Поэтому метод изучения развития языка существенно отличается от метода исследования культуры, искусства, включая и художественное творчество. Таким образом, как предмет изучения, так и методологическая база сближают языкознание до известной степени с естественными науками (в частности, с общей биологией) и удаляют от гуманитарных наук типа истории, литературы. Для наглядности достаточно сравнить программы курсов исторической грамматики русского языка и древнерусской литературы.

О языке обычно говорится, что это материал, с помощью которого создаются художественные произведения. Трудно сказать, что это неверно. Это означает, что в художественном произведении в сущно-

сти нет ничего, что не было бы выражено языковыми средствами, ибо тема, и сюжет, и система образов в конечном счёте передаются языком. Изучением художественных текстов занимается не только литературоведение, но и некоторые языковедческие дисциплины – стилистика, метрика, лингвистический анализ текста, история русского литературного языка. В ряде случаев на изучении художественных текстов строится и вся история языка. В стилистике языковед сближается с литературоведом. Языковед может датировать текст, отнести его к определённой территории или даже социальной среде, может способствовать идеологической интерпретации текста. В нормальных условиях языковедческий разбор ограничивается анализом формально-языковых средств с учётом их значения и функции. Литературовед, напротив, исходит из анализа содержательной и идеологической стороны с учётом выразительных средств.

Если исходить из тезиса, что язык для художественной литературы является материалом, то можно было бы главное различие между языкознанием и литературоведением усматривать в том, что языковед занимается прежде всего языковым материалом без обращения к его художественному исполнению, а литературовед, напротив, занимается изучением прежде всего оформленного материала, с помощью которого создаются художественные ценности. При этом толковании следует подчеркнуть, что языкознание не ограничивается изучением только художественных текстов, историк языка изучает развитие языковой системы во всей её сложности и разнообразии. По своему характеру языкознание скорее наука формальная. Литературоведение – наука идеологическая. В языкознании имеет перевес объективная констатация, в истории литературы делаются оценки, вершится суд. Мы не можем сказать, почему в русском языке 6 падежей, в немецком – 4, а в болгарском, французском или английском – падежей, очевидно, нет. Историк литературы находится в ином положении. Об общественных условиях возникновения

и развития литературного явления он может сказать гораздо больше, чем языковед.

Различие между нашими науками заключено также в знаковости. Под знаком разумеется случай, когда отношение между явлением и его значением условно, обязано традиции (*лошадь – Pferd – cheval – Rose*). В искусстве – это невозможная вещь, это самый дурной артистизм. В нём не может быть условной связи между формой художественного произведения и его содержанием. Это отношение определяется специфическими художественными нормами. В искусстве существует (конечно, в потенции) единство формы и содержания. Поэтому семиотика ничего или почти ничего не может дать литературоведению. Только внешние формальные средства (рифмы, строфика) могут носить условный характер.

При всех отличиях, существующих между нашими науками в объекте изучения, в процессах исторического развития, в соотношении стихийных и рациональных моментов, наконец, в методах изучения, языковедов-русистов и историков русской литературы объединяет художественная, эстетическая функция языка в обществе, находящая реальное проявление в текстах различного содержания, различной формы, различных эпох и различной целенаправленности. Наибольший интерес, конечно, должны вызывать те художественные произведения, которые включены в программу средней школы, которые формируют языковые и эстетические нормы будущих поколений. Круг этих художественных произведений зафиксирован программами.

Кафедра русского языка в ходе своих занятий провела анализ школьных учебников по русскому языку и соотнесла их содержание с существующим уровнем научного изучения отдельных частей курса. Это дало много пищи для раздумий и для оснащения отдельных разделов читаемых курсов в целях повышения их педагогической и профессиональной направленности. Мы обсуждаем постановку курсов стилистики русского языка, истории русского литературного языка и лингвистического анализа художественного текста, чтобы

найти эффективные средства сближения с историками литературы. Однако эта работа в известном смысле односторонняя. Сотрудничество лингвистов и литературоведов особенно актуально в сфере анализа формы художественных произведений, выяснения причин эстетического и эмоционального воздействия образцовых произведений. Эти задачи с необходимостью диктуются всем содержанием нашей работы.

ТЕРМИНОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМА ЯЗЫКОВОГО ПУРИЗМА¹

Русский литературный язык – явление исключительное как по длительности своего существования, так и богатству выразительных возможностей. Он развивается без длительных перерывов почти тысячелетие. Такой многовековой историей не обладает ни один другой литературный язык славянских народов. В частности чешский литературный язык, своими истоками восходящий к XIII в., в XVII–XVIII вв. практически не использовался, и этот вынужденный разрыв в его истории наложил характерный отпечаток на новочешский литературный язык. Польский литературный язык, восходящий к XIV в., после золотого XVI в. польской литературы только в XIX в. стал вновь полноценным орудием польской культуры. В связи с этим можно утверждать, что новая эпоха в развитии славянских литературных языков начинается в середине XIX в.

Потребность в устойчивых и нормализованных формах национальных языков, способных удовлетворять многосторонние запросы современных наций, [...] пробуждение национальных чувств, вылившееся в широкое движение славянского национального, культурного и политического

¹ Публикуется с незначительными сокращениями по изданию: Кондрашов Н. А. Терминология и проблема языкового пуризма // Географические и хронологические пределы распространения русской лексики: Межвузовский сборник научных трудов / МОПИ имени Н. К. Крупской; отв. ред. Н. А. Кондрашов. М.: Типография имени Ю. А. Гагарина, 1980. С. 3–9.

возрождения, – все эти факторы привели к возникновению новых и существенной перестройке старых славянских литературных языков. [...]

Оценка предшествующей письменной практики и сложившихся традиций, соотношение народно-разговорной речи и литературного языка, роль и удельный вес различных структурных, генетических и выразительных элементов в системе литературного языка, пути его дальнейшего развития и совершенствования – всё это становится предметом горячей борьбы и оживлённого обсуждения.

За столетие (1750–1850) возникают украинский, сербский, болгарский, белорусский литературные языки. В пределах Австрийской империи происходит становление новочешского литературного языка, сохраняющего прочные связи с древнечешским, возникает словенский, словацкий, хорватская разновидность единого сербскохорватского литературного языка. Восстаёт из руин польский литературный язык, оживляется языковое творчество лужицких сербов. Только возникновение македонского литературного языка относится ко второй четверти нашего столетия.

В этом процессе языкового творчества русский литературный язык выступал в качестве основного образца для практики, подражания, был языком-эталоном. В особенности это относится к путям пополнения и обогащения словарного состава новых литературных языков. Дело не только в том, что русский литературный язык оказал глубокое влияние на лексику украинского, белорусского, болгарского, словенского, словацкого, чешского, сербскохорватского и польского языков. Заимствования из русского языка в названных литературных языках в значительной мере систематизированы и изучены. Гораздо важнее является использование русской языковой практики при решении возникающих проблем. Прежде всего это относится к терминологической области лексики. Опыт решения проблемы «своё – чужое» русским литературным языком XVIII в. стал руководящим началом для новых литературных языков. Плодотворно

ведущееся в настоящее время изучение русского литературного языка XVIII в. позволит сделать этот тезис более конкретным.

Пушкин верно заметил, что петровскими реформами «связи древнего порядка вещей были прерваны навеки»¹. На развитие русской философской и естественнонаучной терминологии оказала бесспорное влияние европейская научная терминология, которую русский литературный язык творчески усвоил и преобразовал. XVIII в. – эпоха постоянных и интенсивных языковых контактов, «век переводов». Переводы с французского и немецкого преобладали, хотя и латынь оставалась международным языком науки, в частности философии. Н. Н. Поповский писал: «Всего досаднее то, что прочим наукам, из которых иные и не всякому могут быть полезны, всякий человек на своём языке обучиться может. Напротив того, у философии, которая предписывает общие пути и средства человеческому благополучию, никто не может потребовать совета, когда не научится латине. Итак, какое философии бесчестие, а нам вред...»².

С конца XVII – начала XVIII вв. в русский лексикон вошли такие слова, как *материя, идеал, натура, феномен, форма, фигура, метод* и т. д. А. Кантемиру, по словам Белинского, «прямее всех принадлежит честь усилия – найти в русском языке выражения для идей, понятий и предметов совершенно новой сферы – сферы европейской – принадлежит прямее всех»³. У него уже соседствуют: *идея – понятие, элемент – начало, этика – нравственность, натура – естество, тварь*. М. В. Ломоносов включал в философию наиболее общие теоретические выводы естественных наук.

¹ Пушкин А. С. Заметки по русской истории XVIII века // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 10 томах. Т. VIII. М.-Л., 1951. С. 121.

² Поповский Н. Н. Речь, говоренная в начатии философических лекций... // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Т. I. М., 1952. С. 90.

³ Белинский В. Г. Портретная галерея русских писателей. I. Кантемир // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 томах. Т. 8. М., 1955. С. 631

Он резко осуждал философию «мистическую..., где не только не дают объяснений, но даже самые операции производят тайным образом»¹. Ломоносов внёс огромный вклад в разработку русской научной терминологии, состоящей из корней родного языка. Многие из предложенных им терминов бытуют до сих пор: *земная ось, предложный падеж, преломление лучей, удельный вес, кислота, магнитная стрелка, закон движения, квасцы, северное сияние, маятник, чертёж, опыт, наблюдение, явление, частицы*. Получили его одобрение и были узаконены многие заимствованные термины: *диаметр, квадрат, формула, атмосфера, барометр, горизонт, микроскоп, метеорология, периферия, сулема, эфир, селитра* и др.

Наиболее важным мероприятием в области русской лексикографии в XVIII в. было создание Словаря Академии Российской (САР), который, по словам Пушкина, «останется вечным памятником [попечительской воли Екатерины и]² просвещённого труда наследников Ломоносова, строгих и верных опекунов языка отечественного»³. Словарь (1789–1794) отразил поиски наиболее точной номинации. В подготовке САР участвовали писатели и учёные (Д. И. Фонвизин, Г. Р. Державин, Я. Б. Княжнин, И. Ф. Богданович, И. Н. Болтин, объяснявший старославянские слова, А. И. Мусин-Пушкин, объяснявший древнерусские слова, И. И. Лепехин и Н. Я. Озерецковский, объяснявшие термины естественных наук, С. Я. Румовский, П. Б. Иноходцев, С. Е. Десницкий, объяснявшие термины физики, математики, астрономии, права и т. д.). Составители стремились сохранить самобытность русского языка и избежать неоправданных лексических заимствова-

ний. Из САР сознательно были исключены «все иностранные слова, введённые без нужды, и которым равносильны славянские или российские находятся»⁴.

Опыты русских просветителей и переводчиков в передаче новых понятий при помощи словообразовательных средств или готовых слов русского языка «явились практической проверкой того, в какой мере русский язык способен обслужить новые терминологические потребности при помощи своего собственного материала и в какой мере вообще следует заменять своими эквивалентами элементы международной терминологии»⁵.

Приведём некоторые примеры толкования САР философских терминов:

вещество – всё то, из чего какое тело составлено; всё то, что телам даёт протяжение и силу противодействия;

материя – значит вещество, из чего что составлено; содержание, предложение или предмет, о котором говорят или пишут;

следствие – происшествие, приключение из преждебывшего дела проистекшее;

отвлечение – перенесение рассуждения о чём, или отделение в мыслях свойства или части чего-либо, не рассуждая притом о прочих принадлежностях оного;

понятие – мысль, воображение;

идея – представление какой-либо вещи, действия и предмета в уме, понятие;

представление – 1) действие по глаголу (представление к чину); 2) письменный доклад; философского употребления не отмечено;

природа – естество, вся вселенная;

натура – естество, природа. Ещё А. Кантемир в комментариях к переводу книги Фонтенеля «Разговоры о множестве миров» аналогичным образом пояснял это слово. «Натура – слово латинское, по-русски естество, значит начало всех сущих вещей, которого силою рождаются, сохраняются и производятся все действия всякого одушевлённого и неоду-

¹ Ломоносов М. В. Избранные философские произведения. М., 1950. С. 186.

² Заключённый нами в квадратные скобки фрагмент, очевидно, по идеологическим причинам был пропущен и заменен многоточием. – *Прим. ред.*

³ Цит. по: Сорокин Ю. С. Разговорная и народная речь в «Словаре Академии Российской» (1789–1794 гг.) // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. Т. 1. М.-Л., 1949. С. 95.

⁴ Предисловие к 1 изд.: Словарь Академии Российской. Т. 1. Одессе, 1971. С. 21.

⁵ Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 131.

шевлённого тела. Также значит собрание всех созданных вещей...»¹.

Просветительская установка, выражающаяся в стремлении подобрать подходящие и всем понятные русские соответствия иностранным словам, проходит красной нитью в деятельности учёных XVIII в.

Так, Г. Теплов писал: «Я намеренье принял предложить знание, вообще касающееся до философии, на природном нашем языке, надеясь через сие хотя несколько защитить наш язык от того нарекания, будто бы он собою недоволен и весьма неспособен был к предложению философских наук»². Ему вторит Н. Поповский: «Век философии не кончился с Римом, она со всеми народами последующих веков на их языке разговаривать не отречётся... Нет такой мысли, кою бы по-русски изъяснить было невозможно. ... Римляне по своей силе слова греческие, у коих взяли философию, переводили по-римски, а коих не могли, то просто оставляли. По примеру их то ж и мы учинить можем. ... оставя грамматическое рассмотрение, будем только толковать их знаменование и силу, чем мы знания своего не утратим ни перед самыми первыми греческими философами...»³.

В связи с этой тенденцией в русском литературном языке XVIII в. ещё только устанавливается способ обозначения многих специальных понятий.

Естественным следствием этого было возникновение лексических вариантных рядов. Ср.:

вещество – материя – субстанция – вещественность – существенность – состав;

явление – феномен – приключение – происшествие;

сущность – существенность – существо – внутренность – содержание – естество – натура – природа;

вид – образ – фигура – форма – внешность – определённость;

метод – порядок – способ;
понятие – идея – представление;
элемент – часть – образец – основа – стихия;
следствие – последствие – действие – произведение – эффект;
анализ – раздробление – разделение – разрешение;
синтез – соединение – сложение – совокупление – сопряжение и т. п.

В творческой лаборатории XVIII в. процесс отбора не был закончен. Это прекрасно понял Пушкин, когда писал: «...русская поэзия достигла уже высокой степени образованности: просвещение века требует пищи для размышления, умы не могут довольствоваться одними играми гармонии и воображения, но учёность, политика и философия ещё по-русски не изъяснялись; метафизического языка у нас вовсе не существует»⁴.

В учебных руководствах XVIII в. (да и не только в них) часто приводятся латинские, немецкие и французские эквиваленты. Почти ко всем заимствованиям были подобраны русские соответствия, однако в большинстве случаев иноязычные варианты стали единственными или главными средствами обозначения понятий. Причина их победы кроется в том, что заимствования не были отягощены многозначностью и различными ассоциативными связями, что давало последним преимущество. Ср.: *метод, материя, форма, система, субстанция, анализ, аналитический, синтез, синтетический, субъект, абстракция, принцип, концепция, тема, индукция* и мн. др.

На начальном этапе освоения заимствованного слова отмечается неопределённость объёма его значения. Так, Н. Курганов слово *эссенция* передаёт посредством *истинность, сущность, естественность, бытие вещей, рождение*⁵. Употребляясь, однако, в одном вариантном

¹ Фонтенель Б. Разговоры о множестве миров. СПб., 1840.

² Теплов Г. Н. Знания, касающиеся [sic!] вообще до философии. СПб., 1751. С. 150.

³ Поповский Н. Н. Речь, говоренная... С. 90–91.

⁴ Пушкин А. С. О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 10 томах. Т. VII. М.-Л., 1951. С. 31.

⁵ Курганов Н. Российская универсальная грамматика, или Всеобщее письмословие. СПб., 1769. С. 393.

ряду с русскими соответствиями, заимствование уточняло свой смысл, вырабатывало типичные конструкции словообразования. Иноязычное слово могло оказывать обратное влияние на русский эквивалент, заключавшееся в том, что русское слово приобретало в результате параллельного употребления не свойственные ему ранее оттенки значения¹. В. В. Виноградов это характеризовал следующим образом: «Поиски русских соответствий иностранным словам приводили к более глубокому пониманию значений и оттенков русских слов. Устанавливались национальные русские формы для выражения понятий, выработанных западноевропейскими языками»².

Калькирование иностранных образцов было важным средством формирования русских терминологических систем. Примеры:

abstractio – отвлечение;
accidentalis – случайный, несущественный, непостоянный;
absolute – самовластный;
causa – причина, вина, начало, почин;
existencia – бытие;
induction – наведение;
negation – отрицание; прекословие;
objectum – подлежащее, предмет, подлог;
intelligencia – разумность;
Sirmlichkeit – чувственность;
Vorstellung – представление;
Wechselwirkung – взаимодействие;
Impenetrability – непроницаемость;
contradictio, Widerspruch – противоречие и др.

Многие русские соответствия стали актуальными и сохранились до наших дней: *пространство, время, возможность, действительность, случайность, необходимость, содержание, явление, сущность, конечное, бесконечное, особенное, общее* и

т. п. Ряд дублетных форм отличается сферой использования: *эксперимент – опыт, метод – способ, принцип – основание, форма – образ, материя – вещество, субстанция – сущность, гипотеза – предположение, феномен – явление, квалитет – качество* и др.

«Совершенно независимо от того, насколько удачными оказались те или иные частные опыты этого рода на практике и как они фактически влияли на словарный состав русского литературного языка, нельзя не отметить, что самое намерение наших первых писателей научиться передавать иностранные понятия средствами русского языка было проявлением их горячей веры в будущее русского языка»³.

Опыт составителей САР и шире русских писателей и переводчиков XVIII в. через Й. Добровского и И. Юнгманна оказал решающее влияние на языковую практику чешских будителей, которые воссоздавали новочешский литературный язык в первой половине XIX в.

В результате отталкивания от немецкой внутренней формы с полным или частичным калькированием возникли чешские слова, обозначающие явления современной цивилизации: *poznatek, predstava, pojem, soustava, veda, úcel, výsledek, záměr, dojem, nápad, názor, přeměna, rozbor, časopis, sochar, úvaha, výrok, postupný, totožný, posuzovati, cestopis, divadlo (teatr), hudba (музыка), nástroj (инструмент), plyn (газ), dějiny (история), dusík (азот), kyslík (кислород), vodík (водород), křemík (фосфор), kyselina, vterina (secunda), krásověda (эстетика), mluvnice (грамматика), bájesloví (мифология), národopis (этнография), zeměpis (география), přírodopis (Naturbeschreibung), vražda (Mord), základ (Grund), obchod (Handel), místo (plac), lis (pres), mech (Sack), chut' (smak), náměsti (rynk), blahopřání (vins), citlivka (mimosa), názvosloví (Terminologie), sada (thesis), samohláska (Selbstlaut), spoluhláska (Mitlaut), pojednání (Abhandlung)* и т. п.

¹ См. тонкие наблюдения над формированием значения слов «эксперимент» и «опыт»: Кутина Л. Л. Формирование физической терминологии в России. Л., 1967. С. 56–57.

² Виноградов В. В. Толковые словари русского языка // Язык газеты. М.-Л., 1941. С. 261.

³ Винокур Г. О. Цит. соч. С. 131.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ КАЛЬКИРОВАНИЯ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА¹

Различные языки по-разному решают проблему своего и чужого, исконных и заимствованных элементов в лексике. Диапазон колебаний в этом отношении весьма велик. С одной стороны, можно выделить мировые языки типа русского и английского, носители которых не опасаются за судьбу своих литературных языков и которые довольно терпимо относятся к проникновению заимствованных слов, широко используют калькирование и в своём лексическом составе отражают все достижения человеческой цивилизации, науки и литературы. С другой стороны, следует отметить языки сравнительно молодых и относительно малочисленных наций, которые сформировались в трудной и длительной борьбе с языками других господствующих наций. Среди славянских языков это чешский, словацкий, польский, сербско-хорватский, словенский языки, создавшие современные лексические слои и терминологические системы в духе пуристических тенденций и отталкивания от господствующих германизмов. К славянским языкам в этом отношении близок венгерский язык, занимающий изолированное положение и находящийся в славяно-немецком окружении. Из этого следует, что пуризм и калькирование иноязычных образов – это, если руководствоваться географическими определениями, прежде всего центральноевропейская проблема. Особо следует остановиться на немецком языке. Как это ни кажется странным, но именно немецкий язык своим пуристическим отношением к заимствованиям стал языком-эталоном для многих славянских языков. В известном смысле будет правильно утверждение, что славянские литературные языки боролись с германизмами путём калькирования с помощью своих словообразовательных средств немецких образов.

¹ Публикуется по изданию: Кондрашов Н. А. Основные этапы калькирования в истории русского языка // Вопросы исторической семантики русского языка: Межвузовский тематический сборник научных трудов. Калининград: КГУ, 1989. С. 100–106.

Наконец, находим и такие утрированные формы борьбы с чужим лексическим влиянием, как в исландском языке, в котором заимствования исключены по принципиальным соображениям, но калькирование доминирует, так как специальная комиссия при альтинге одобряет обозначение новых понятий собственными языковыми средствами. Столь же необычное место занимает и мёртвая латынь при Папском Престоле, где языковая форма папских энциклик подвергается тщательному анализу.

В связи с различным отношением к чужеродным лексическим элементам возможна типология пуристического вмешательства в развитие лексики того или иного литературного языка. Вместе с тем хотелось бы напомнить слова В. Эртля, который в полемике с чешскими пуристами писал, что «проникновение иностранных слов – это явление естественное, и его не может избежать ни один язык. Напротив, чем больше ощущается потребность в повышении культурного уровня народа и ценности его литературы, тем более благоприятные условия для проникновения заимствований; отсутствие чуждых элементов является привилегией диалекта, изолированного от мира и ограниченного в своих средствах узким кругом понятий текущей жизни... Поэтому благоприятную почву для проникновения заимствований создаёт не эпоха упадка, как иногда думают, а, напротив, эпоха расцвета и подготовки к культурному подъёму»². Это означает, что активным и развивающимся является заимствующий язык, а язык-источник заимствований играет роль склада-хранилища лексических единиц, которые необходимы для развития другого языка.

В истории русского языка можно выделить несколько периодов, когда проблема заимствований и калькирования становилась особенно актуальной. Таких периодов, очевидно, было три: 1) X–XI вв., когда русский язык осваивал терминологию христианской цивилизации; 2) XV–XVI вв., когда второе церковнославянское влияние достигло сво-

² Пражский лингвистический кружок: Сб. статей. М., 1967. С. 13.

его апогея; 3) XVIII в., век переводов, когда русскому языку выпала задача использования лексического развития ряда западноевропейских языков, прежде всего французского.

Большая часть калек, появившихся в первый период, обязана старославянскому языку и древнегреческим образцам. Очень часто старославянские слова-кальки рассматриваются как заимствования в русском языке. Однако это возможно лишь с генетической точки зрения. В. М. Истрин в своём словаре к «Хронике Георгия Амартола» приводит свыше 200 образований, которые были созданы на Руси и не имеют старославянских соответствий¹.

Среди скалькированных слов отметим: *азбука* (позднее: азбуковник, ср. алфавит), *баснословие*, (ср. мифология), *безбожный* (ср. атеист, атеистический), *бездарный* (т. е. не получивший даров или дара), *бездна*, *безумие*, *безобразие*, *безымянный* (ср. анонимный), *бесплодие*, *бесплодный*, *бессилые*, *бесчестие*, *бесчеловечный*, *бесчинство*; множество образований с *благо-*: *благовоние* (антоним: зловоние), *благодарить*, *благоденствие*, *благодетель*, *благодаяние*, *благодать*, *благополучие*, *благоприятный*, *благодарный*, *благоухание* и т. д.; *богородица*, *боготворить*, *божество*, *вдохновение*, *великодушие* (ср. малодушие), *великолепие*, *величие*, *внушить*, *возмездие*, *восток*, *вселенная*, *добродетель*, *достоверный*, *благовещание*, *естество*, *естественный*, *жестокосердие* (ср. милосердный «жалостливый»), *живопись* (ср. устар. зоография), *жизнеописание* (ср. биография), *землемер* (ср. геометр), *инок* (ср. монах), *ад кромеиный*, *летописец* (ср. хронограф), *лицемер*, *лицедей*, *малOVER*, *мнение*, *мужество*, *наперсник*, *насекомое*, *настоятель*, *общество*, *православный* (ср. ортодоксальный), *пророк*, *равнодушный*, *самодержец* (ср. автократор), *совесть*, *соловие*, *сострадание* (ср. симпатия), *торжество*, *троица*, *тицеславие*, *целомудрие*.

¹ Истрин В. М. Книги временныя и образный Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Т. 3. Греческо-славянский и славяно-греческий словари. Л., 1930.

Приведённые смысловые или понятийные старославянские кальки, буквальные морфологические снимки с греческих сложных слов были по преимуществу специальными терминами, связанными с богословием, переводом канонических евангельских текстов и богослужением православной церкви. Они быстро были усвоены древнерусскими книжниками, так как их морфемный и нравственно-учительский смысл не представлял для них каких-либо затруднений.

Генетический подход к лексике древнерусского языка и отсутствие определённых и обоснованных мнений о функционировании старославянизмов в древнерусском языке заставляет поддержать мнение А. С. Пушкина, которое он высказал в 1825 г. в заметке «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова»: «Как материал словесности, язык славяно-русский имеет неоспоримое превосходство пред всеми европейскими: судьба его была чрезвычайно счастлива. В XI веке древний греческий язык вдруг открыл ему свой лексикон, сокровищницу гармонии, даровал ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное течение речи; словом, усыновил его, избавя таким образом от медленных усовершенствований времени. Сам по себе уже звучный и выразительный, отседа заемлет он гибкость и правильность. Простонародное наречие необходимо должно было отделяться от книжного, но впоследствии они сблизились, и такова стихия, данная нам для общения наших мыслей»².

В период второго южнославянского влияния наши книжники продолжали использовать накопленный опыт передачи посредством калькирования греческих и латинских слов³. Прежде всего постоянно вошла в обиход русская языковедческая терминология: *падеж*, *склонение*, *спряжение*, *части слова (речи)*, *имя существительное*, *имя прилагательное*, *место-*

² Русские писатели о языке (XVIII–XX вв.). Л., 1954. С. 75.

³ Вялкина Л. В. Греческие параллели сложных слов в древнерусском языке XI–XIV вв. // Лексикология и словообразование древнерусского языка. М., 1966. С. 154–188.

имение, речь (глагол), наречие, причастие, предлог, союз, междометие, правописание (ср. орфография), залог и т. п. По уже основным образцам возникают новообразования: *человеколюбие* (ср. филантропия), *язычник, доброписец, живописец, иконописец, скорописец, образописец, грехолюбец, кровопивец*. Огромное количество калькированных слов (как в словообразовательном, так и семантическом планах) относится к XVIII в. Составители «Словаря русского языка XVIII века» отмечают: «Выявление и этимологизация калек и семантических заимствований, составляющих значительный пласт новаций XVIII в., осложняется тем обстоятельством, что нет специальных этимологических словарей для этого рода заимствований, да и сам их состав ещё в значительной степени не определён и не зарегистрирован. Поэтому Словарь вынужден ограничиться приведением этимологических данных лишь при наличии в руках составителей соответствующих материалов (прямых указаний на иноязычные соответствия в текстах XVIII в., высказываний современников, доступных исследований и т. п.)¹. Однако значительный материал собран в ряде изданий сотрудников-составителей этого словаря².

К словообразовательным калькам с французских слов относятся: *блистательный, благосостояние, буквальный, влияние, влиять* (на кого-л.), *впечатление* (ср. импрессионизм), *влюбление* (Сумароков), *дневник, занимательный, извращение, непроницаемый, обстоятельство, переворот, предрассудок, подразделение, плотность* (Кантемир), *плоский* «пошлый, банальный», *промышленность* (Карамзин), *предприятие* (Новиков), *развлекать, развлечение, рассеянный, сосредоточить, трогать, трогательный, удовлетворять,*

упоение, уточнённый. В конце XVIII в. растёт число семантических галлицизмов – усвоение русскими словами значений, свойственных французскому языку: *вкус, духи, живой* (ум, интерес), *томный* и т. п.

Латинским образцам русский язык обязан следующими кальками: *склонность, естественность, разумность, земледелие, предмет*. Очень интересны кальки терминологического характера, введённые М. В. Ломоносовым: *опыт, частицы, наблюдение, удельный вес, северное сияние, кислород* (ср. чеш. *кислик*), *водород* (ср. чеш. *водик*), *кислота* (ср. чеш. *киселина*). Весьма интересны попытки замен, произведённые составителями Словаря Академии Российской, например: *ботаника – травоведство, арифметика – числословие, минералогия – рудословие, термометр – тепломер, астрономия – звездословие, аудитория – слушальница* и т. п.

Из немецкого языка скалькированы такие слова, как *развитие, вольнодумец, вольнодумство, глазомер, двор* (Hof), *придворный, передник* (ср. *фартук*), *полуостров, человечность* (Фонвизин), *белошвейка, оборот* (речи), *законодатель, землеописание, понятие, собственноручно* и др.

Большой интерес представляют попытки передачи иноязычных слов средствами русского языка, которые в своё время предпринимал первый наш историк В. Н. Татищев. Западноевропейское *гуманность* он передаёт словом *людскость, людкостнее*. О его стремлении подыскать наиболее правильный русский эквивалент свидетельствует передача смысла слова *хронология*. «Хронология у грек точно на нашем языке значит времясказание, но мы обыкли именовать летосказание; правильнее же времяисчисление именовать, мнится, приличнее»³.

Часто Татищев использует калькирование (поморфемный перевод иноязычного слова на русский язык) и семантический подбор тождественных или близких по значению слов, используя синонимические параллели. К первому способу относятся: *география – зем-*

¹ Правила пользования словарём. Указатель источников // Словарь русского языка XVIII века. Л., 1984. С. 46.

² Кутина Л. Л. Формирование языка русской науки (терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII века). М.; Л., 1964; Биржакова Е. Э., Воинова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII в. Л., 1972.

³ Татищев В. Н. История Российская. М.-Л., 1962. С. 125.

леописание, топография – предлописание, генеалогия – родословие, иерархия – священначальство, космография – мирописание, мораль или нравоучение, гидрография есть описание вод, т. е. сказание о морях, заливах, озёрах и реках, их широте, глубине и положении всех вод, рефракция или отсвечивание, Мономах или Поединицик, история – деи или деяния, медицина или врачество.

Синонимические столкновения находим в таких случаях, как: *оракулы*, или *просвещатели*; *безбожие*, или *афеиство*; *шлюзы*, или *запоры*; *драгоманы* – *межевицики*; *комментарий* – *примечания*; *республика*, или *вольная земля*; *портал*, или *врата*; *гигант* – *исполин*; *верфь*, или *плодбище*; *номады*, или *пастыри*; *евнух* – *спальник*; *еретик* – *безбожник*; *иероглифия* – *знаки вещей*; *хронограф* – *летопись*, *временник*; *диалект* – *наречие*; *лидо* – *набережная*; *генеральные*, *универсальные*, *партикулярные* и *специальные* – *общие*, *пространные*, *участные* и *особинные*; *цезарь* «*кесарево сечение*» – *выпортыши из брюха матери*; *рокош* – *мятеж*.

В XIX в. продолжался процесс умеренного калькирования наряду с прямым заимствованием. В известной степени осуществлялся завет Пушкина, выраженный им в письме к И. Киреевскому в 1832 г.: «Избегайте учёных терминов; и старайтесь их переводить, то есть перефразировать: это будет и приятно и полезно нашему младенствующему языку»¹. Материалом для калькирования служили прежде всего немецкие слова с отвлечённым значением. В частности: *введение*, *выглядеть*, *землеведение*, *мировоззрение*, *миросозерцание*, *надстройка*, *образование*, *новообразование*, *односторонний*, *призвание*, *противоядие*, *прямоугольный*, *потусторонний*, *сверхчеловек*, *саморазвитие*, *самоопределение*, *самосознание*, *целесообразный*. Заимствованными словами явились: *шлагбаум*, *штрейкбрехер*, *ландшафт*, *прейскурант*, *полиглот*, *пакгауз*, *вундеркинд*, *галстук*, *ватерпас*, *вальдишпел*, *бюстгальтер*, *бухгалтер*, *бутерброд*.

В XX в. более часты полукальки; ср., например, *водное поло* вместо *ватерполо*, но

только *ватерполист*, *гимнастика* от *гимнастер*, *небоскрёб*, но прямое заимствование *скрепер*, *дневальный* (но дежурный), *сверхнатуральный* и др.

Что касается пуристических тенденций в истории русского литературного языка, то подобные целенаправленные выступления чаще всего были связаны с идейными позициями их авторов. Известны резкие и в большинстве случаев справедливые замечания А. С. Шишкова, направленные против галлицизмов и галломании. Консервативная позиция Шишкова является общеизвестной. С иных позиций выступал автор знаменитого толкового словаря В. Даль. Его взгляды смыкаются со славянофильством и движением народников.

В настоящее время, когда задачи культуры русской речи выдвинулись на первый план, необходимо внимательное отношение к заимствованиям из различных языков и результатам калькирования чужезычных образов. Как никогда требуется широкое обсуждение вновь вводимых иноязычных элементов, анализ их необходимости и уместности в русском языке, проверка их структурной и семантической ясности для носителей русского языка.

РУССКИЕ НАЗВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ²

Славянский языковой материал свидетельствует, что обычно название народа служит базой для обозначения языка. Этот факт подчёркивается тем обстоятельством, что в древности словом *язык* обозначались как «орган в полости рта; способность говорить; речь, способ выражения», так и «народ, народность, племя». Ср. у Пушкина: «Слух обо мне пройдёт по всей Руси великой и назовёт меня всяк сущий в ней *язык*».

Весьма подробный перечень славянских племён эпохи раннего средневековья приводит автор «Повести временных лет». На заре отечественной историографии он

² Публикуется по изданию: Кондрашов Н. А. Русские названия славянских языков // Вопросы исторической семантики русского языка. Лексика и синтаксис: Межвузовский тематический сборник научных трудов. Калининград: КГУ, 1990. С. 71–76.

¹ Русские писатели о языке... С. 86.

сообщает: «По многих же временах сели суть Словене по Дунаеву, где есть ныне Угорская земля и Болгарска. И от тех Словен разидошася по земли, и прозвашася имены своими, где седше, на котором месте. Якоже пришедше, седоша на реце именем Морава, и прозвашася Морава, а друзии Чеси нарекошася; а се туже Словене: Хорвати Белии и Сербь Хорутане. Волохом бо нашедшем на Словены на Дунайския, и седшем в них насилящем им, Словене же ови, прешедше, седоша на Висле, и прозвашася Ляхове, а от тех Ляхов прозвашася Поляне; Ляхове друзии Лутичи, ини Мазовшане, ини Поморяне. Также и ти Словене, прешедше, седоша по Днепру, и нарекошася Поляне, а друзии Древляне, зане седоша в лесах; а друзии седоша межю Припетию и Двиною, и нарекошася Дреговичи; ини седоша по Двине, и нарекошася Полочане речки ради, яже втечет в Двину именем Полода, от сея прозвашася Полочане; Словене же, прешедше с Дуная, седоша около озера Илмеря, и прозвашася своим именем, и сделаша град, и нарекоша и Новгород; а друзии седоша по Десне и по Семи и по Суле, и нарекошася Север. И тако разидеся словенский язык; тем же и грамота прозвася Словенская».

Этническое название *славяне*, *славянский* пока не имеет общепризнанной этимологии. Сближение его со словом *слава* ничем не обосновано, так как корень исконно содержал *слов-* ср. словене, словаки, словенцы и т. п. В связи с этим подобное сближение со словом *слава* следует рассматривать как один из случаев народной этимологии. Часто сопоставляют корень *слов-* с другими индоевропейскими языками, например, греч. **slauos* «народ». Более удачным следует считать связь этого корня со словом. В пользу этого свидетельствует противопоставление *славяне* (т. е. говорящие, которых можно понимать) и *немцы* (т. е. немые, которых нельзя понять). Топонимические и гидропонимические предположения до сих пор не дали успешных результатов. Если *славянин* поставить в ряд *римлянин*, *киевлянин*, *огнищанин* и т. п., восходящим к названиям поселений,

то нет свидетельств о существовании топонима *слов-*. На гидроним указывает эпитет Днепра *Словутить*.

Среднелатинская форма *Sclavus* послужила образцом названия невольника во многих западноевропейских языках, а после сближения со словом *слава* в XVI–XVIII вв. приобрела формы *Слава*, *Славия*, *славский*, *славянский* (об этом свидетельствуют сочинения [И. Т.] Посошкова, Я. Коллара, А. С. Шишкова и др.). Этноним *славянский* важен для Европы, так как этот материк заселён в основном тремя этническими группами – славянами, германцами и романцами. В самом славянском мире этот корень имеет производные во всех трёх ветвях славянства: словинцы в Польше, словаки в Чехословакии, словенцы в Югославии, новгородские словене.

К западнславянским языкам относят польский (с кашубским и вымершим словинским), чешский, словацкий, верхнелужицкий и нижнелужицкий, мёртвый полабский.

Слова *поляк*, *польский* восходят к общеславянскому *поле*. Первичной формой единственного числа был *полянин*, форма *польский* вторична и омонимична: сохраняет значение «полевой». Славянское *поле*, вероятно, обладало значением «равнина», отсюда и западнславянское *полевать* «охотиться». Первоначально *поляне* были племенем в Великопольше (в районе Познани), затем это племенное название стало общим обозначением для польского народа. Обозначения *лях*, *ляшский* совершенно устарели, хотя литовское *lenkas* и венгерское *lengyel* свидетельствуют именно об исходном образовании *lədĕn-*, которое сближается с *ляда* «пустошь, новь». Об этом свидетельствует и древнерусское прилагательное *лядьский*, ср. фамилию Ляцкий.

Обозначения *кашубы*, *кашубский* (язык или диалект) требуют известных пояснений. В настоящее время в славистике принято мнение, что некогда самостоятельный западнславянский язык стал диалектом польского языка. Он распространён к западу от нижнего течения Вислы,

в Морском и Картузском поветах, а также в Косцежинском, Хойницком и Гданьском. Число говорящих на этом диалекте достигает 200 тысяч человек. Памятники письменности с элементами кашубской речи появились в конце XVI в. В XIX–XX вв. было мало изданий на кашубском диалекте, так как для этого отсутствовали благоприятные условия (в Пруссии за кашубами не признавали языковых прав, в Польской Республике местная пресса помещает материалы на кашубском диалекте). В языке небогатой кашубской письменности не было единообразия: одни (Цейнова) опирались на северный, другие (Дердовский и Майковский) – на южный диалект, близкий к польскому языку.

В конце XIX в. разгорелась полемика о месте кашубской речи в славянской языковой семье. Некоторые учёные полагали, что следует говорить о кашубском языке (кашуб Ст. Рамулт, немец Фр. Лоренц), который принадлежит к западнославянским языкам; другие лингвисты (А. Ф. Гильфердинг, И. А. Бодуэн де Куртенэ, В. Ягич, Я. Розвадовский, А. М. Селищев) пишут о большей связи кашубского языка с польским; польские учёные (А. Калина, Я. Карлович, многие современные лингвисты) рассматривают язык кашубов в качестве диалекта польского языка.

Несомненно, что некоторые особенности речи кашубов свидетельствуют о том, что в далёком прошлом кашубинский диалект был близок языку тех славян, которые занимали междуречье Одера и Эльбы (Померания) и о котором мы судим по сохранившимся остаткам полабского языка.

Само название *кашубский* язык идёт от среднелатинского *Кассубия* (с XIII в. в связи с проникновением католичества), но это польское название, где *ка-* является приставкой с увеличительным значением, а *шуба* «разновидность одежды». С этим названием можно сопоставить этнографическое название части полабских славян *кабатками* (от чеш. *kabat* «одежда, кафтан»).

Термин *словинский* применяют по отношению к вымершему языку поморских

славян (поморяне). Наряду с полабскими славянами это одна из разновидностей славянской речи, ассимилированной на территории Германии.

Наименования *чех*, *чешский* не имеют общепринятой этимологии. Обычно конечное *-х* не относят к корню и выдвигают самые различные объяснения: от имени Чеслав, от глагола *чекать* «ждать», от *чадо* «ребёнок», *челядь* «прислуга» и т. п. Возможно, этноним *чех* восходит к глаголу *šechat'* «бить, ударять». Если учесть, что некогда Чехию населяло кельтское племя боев, то это предположение в известной степени оправдано. В XVIII–XIX вв. вместо названия *чешский* часто использовалось прилагательное *богемский*. Обычно, кроме чехов, мораван и силезцев, сюда включали и словаков. Так, А. М. Селищев ещё в 1914 г. писал: «Нет достаточного основания для положения, по которому говоры чехо-мораван, с одной стороны, и говоры словаков, с другой – это два самостоятельных западнославянских языка, как, например, польский и лужицкий»¹. В труде о западнославянских языках (1941 г.) он располагает материал словацкого языка параллельно чешскому. В подобной трактовке взаимоотношения чешского и словацкого языков имеется своеобразная закономерность. С одной стороны, обращается внимание на близость и переходный характер живых народных говоров, с другой – речь идёт о литературных чешском и словацком языках. Как явствует из предыдущего, Селищев исходит из первого факта, тогда как литературные языки русскими славистами различались давно. Например, М. В. Ломоносов называет *словацкий язык*². До 1948 г. положение словацкого литературного языка со стороны чехов ставилось под сомнение (ср. термин *чехо-словацкий язык*). Это не способствовало нормальному сосуществованию двух близких по языку народов в едином государстве. В настоящее время чешский геге-

¹ Селищев А. М. Избранные труды. М., 1968. С. 536.

² Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 7. М.-Л., 1952. С. 609.

монизм и словацкий национализм канули в прошлое.

В русском языке на протяжении ряда десятилетий шла полемика по поводу формы прилагательного от имени *словак*. В ранних славистических сочинениях словацкий язык рассматривался как славяно-венгерский в соответствии с географическим распространением (так в Сравнительных словарях Палласа). П. И. Кеппен в своих «Библиографических листах» употреблял термин *венгеро-словенское наречие*. А. Н. Пыпин в своей «Истории славянских литератур» пристальное внимание обращал на терминологию славяноведения. Он, в частности, отмечал, что от *словак* по местному народному обычаю употребляют прилагательное *словенский*, но по-русски следовало бы говорить *словацкий* (что и делали Срезневский и Гильфердинг). Изобразив в виде уравнения формы *Slovak – Slovenka, Slovensko, slovenský* и *Slovinec – Slovenec*, Пыпин рассуждает следующим образом: «Поэтому народ и язык называются *словенским*, а не *словацким*, как бы следовало от “словак” и как естественнее кажется по-русски. У нас всего чаще и употребляют прилагательное в этой последней форме, тем более что при этом избегается смешение со словинцами, которые также называются словенцами; но чтобы не расходиться с обычной формой, употребляемой у самих словаков и у чехов, мы также примем прилагательную форму “словенский”»¹.

В настоящее время форма *словацкий* победила в русском языке. Русское употребление в этом отношении следует за польским. Что же касается названий славянских реалий, то Пыпин призывает соблюдать меру: «Некоторые из наших славистов и пишущих о славянстве стараются ввести у нас названия племён, местностей, городов, лиц, употребляемых самими славянами или даже известные археологически. Например, у них нет венгров и Венгрии – есть угры и Угрия; нет Эльбы и Одера – есть Лаба и Одра; нет

Зары, Рагузы – есть Задр, Дубровник и т. д. В основе этого переделывания лежит, конечно, желание удалить ненациональное, чужое и водворить славянское. Против этого можно было бы не спорить, если бы при этом сохранена была мера; но она не сохраняется»². Как мы видели, сам автор этих строк нигде не формулирует названную меру и сам поступает противоречиво. И всё же он настаивает на авторитете источника и учёте привычного употребления. Ср. такие рекомендации: «Если ныне употребительная номенклатура в славянских предметах – или книжная, или следующая употреблению господствующей на месте национальности, – стала привычкой литературного языка, то это имеет за собой свои исторические основания», или: «Словом, просто подставлять славянскую номенклатуру огулом нельзя, потому что прежняя есть *usus*, имеющий историческое основание. Войдут те славянские названия, для которых найдётся какой-либо новый *авторитет известности*»³.

Подобные мысли вполне применимы к терминам *Лужица, лужицкий, лужичане*. Ломоносов использует термины *вендский (вандальский)*. В XVIII в. использовалось несколько терминов для лужицкого языка: *виндский, сорабский, лужицкий*. Первый восходит к немецкому обозначению лужичан, второй связан с латинизированным этнонимом *Sorabicus* «сербы», третий – с самоназванием *Лужица* «болотистый край», которое через книжную традицию распространилось в славистической литературе.

Полабский язык – от славянского названия реки Эльбы – Лаба «белая». Последние носители этого языка вымерли в конце XVIII в. Наши сведения о нём основываются на записях и словариках этого языка, сделанных немецкими любителями фольклора.

К южнославянским языкам относятся болгарский, македонский, сербско-хорватский, словенский и мёртвый старославянский язык.

Термины *болгарин, болгарский* являются тюркскими по происхождению. Первоначально означало «метис, человек

¹ Пыпин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 2. СПб., 1881. С. 1000 (Примечания).

² Там же. С. 17.

³ Там же. С. 18.

смешанного происхождения». Это случай переноса названия завоевателей на покорённое население, аналогичный употреблению франков (для Франции), норманнов (для Нормандии), лангобардов (для Ломбардии) и т. п.

Македонцы, македонский восходят по своему происхождению к названию древнегреческой провинции. В настоящее время там живёт славянская нация македонцев. Македонцы разбросаны по трём балканским странам: большая их часть проживает в Югославии, где составляет особую Народную республику, живут македонцы в Болгарии и Греции. Некоторые болгарские учёные не признают ни македонцев, ни македонского литературного языка, который возник в ходе освободительной борьбы с фашизмом, и полагают, что это отколовшаяся от болгар часть населения, которую поддерживает Югославия.

Термины *серб, сербский* восходят к индоевропейскому корню **serb-* «охранять». Сербь известны как в южнославянской, так и в западнославянской областях (ср. лужицкие сербы). Обозначения *хорват, хорватский* не имеют общепризнанной этимологии, хотя многие исследователи относят его к иранским заимствованиям. В настоящее время существует единый сербско-хорватский язык с двумя орфографическими вариантами: сербским с кирилловской графикой и хорватским с латиницей. Сербско-хорватский язык обслуживает не только сербов и хорватов, но также боснийцев и черногорцев.

Названия *словенец, словенский* продолжают старое племенное имя славян. Они установились не сразу. До сих пор встречается колебание: *словенцы* и *словинцы*. В XIX в. часто употреблялось название *хорутане* (иногда *словинцы, винды, краницы, штайерцы*), которое продолжало традицию «Повести временных лет», сочинений П. Шафарика, первого и второго поколения русских славистов (от Каринтия).

Название *старославянский* установилось во второй половине XIX в. Это название употребляли Ф. Ф. Фортунатов и французский лингвист А. Мейе. Оно отражает убеждение, что язык переводов Кирилла и Мефодия имел общеславянский характер. Это действительно так. Он впервые был использован в Моравии и Паннонии, затем распространился на Руси. А. Лескин и некоторые другие лингвисты называли этот язык староболгарским, церковнославянским или староцерковнославянским. Ряд болгарских языковедов выступает за отказ от термина *старославянский* в пользу *староболгарского*. Если иметь в виду происхождение термина *болгарский*, то следует признать эти рекомендации необоснованными. Название *старославянский* опирается на хронологические и историко-культурные моменты функционирования этого языка. Оно не указывает на генетическую принадлежность этого языка, так как это слишком узкий взгляд на первый письменный язык славян.

Наиболее древним термином для обозначения языка восточных славян является *русский*. Этимология этого слова весьма туманна. Господствует точка зрения, что древнегреческое *ros* в значении «варяги, норманны» стало названием русов, русичей, русских. В «Повести временных лет» под 911 и 944 гг. говорится о русских посллах. Следовательно, название чужеземных князей было перенесено на местное население (ср. Болгария от болгар). Константинопольские патриархи в XII в. ввели административные обозначения Великороссия, Малороссия и Белороссия. Устарели термины *великорусский* и *малорусский*. Сохранился лишь *белорусский* (язык). Украинский стало применяться по отношению к юго-западной окраине Московского государства (Украина – за Окой и Орлом). Это означало «пограничная территория».